

Александр Житинский

Эффект Брумма

*Часть сборника
Снюсь (сборник)*

Александр Житинский
Эффект Брумма

«Геликон Плюс»

1974

Житинский А. Н.

Эффект Брумма / А. Н. Житинский — «Геликон Плюс»,
1974 — (Младший научный сотрудник Петр Верлухин)

ISBN 978-5-457-11138-7

«Вообще-то я в чудеса не верю. От них меня еще в школе отучили. Я верю в науку и прекрасное будущее. Это немного понятнее. Но иногда все-таки чудеса происходят, и с ними необходимо считаться. Короче говоря, однажды я обнаружил у себя на столе письмо от шефа. Шеф любит со мной переписываться. То есть пишет только он, а я читаю. Шеф часто засиживается в лаборатории допоздна, и тогда ему в голову приходят мысли. Утром я их изучаю. Например, так: «Петя! Подумайте, нельзя ли объяснить аномалии в инфракрасной области межзонным рассеянием». Или что-нибудь в этом роде...»

ISBN 978-5-457-11138-7

© Житинский А. Н., 1974

© Геликон Плюс, 1974

Содержание

Пишу письмо	5
Провожу эксперимент	7
Собираюсь	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Эффект Брумма

Пишу письмо

Вообще-то я в чудеса не верю. От них меня еще в школе отучили. Я верю в науку и прекрасное будущее. Это немного понятнее. Но иногда все-таки чудеса происходят, и с ними необходимо считаться.

Короче говоря, однажды я обнаружил у себя на столе письмо от шефа. Шеф любит со мной переписываться. То есть пишет только он, а я читаю. Шеф часто засиживается в лаборатории допоздна, и тогда ему в голову приходят мысли. Утром я их изучаю. Например, так: «Петя! Подумайте, нельзя ли объяснить аномалии в инфракрасной области межзонным рассеянием». Или что-нибудь в этом роде.

Обычно я не спешу на такие вещи реагировать. Кто его знает – вдруг это бред? Шеф сам так часто говорит. Вернее, кричит, вбегая в лабораторию: «Все вчерашнее бред и чушь собачья!» Почему собачья, я не знаю. Обыкновенная человеческая чушь, каких много. И не самая худшая.

Но на этот раз было нечто новое. На столе лежал почтовый конверт, заполненный фиолетовыми чернилами довольно размашисто. Был написан адрес нашего института, а после словечка «кому» указано просто: «главному начальнику». Не больше не меньше.

К письму скрепкой была прикреплена бумажка, на которой располагалась лесенка резолюций.

«Пименову. Разобраться». Подпись ректора.

«Турчину. Проверить». Подпись Пименова.

«Жолдадзе. Ответить в недельный срок». Подпись Турчина.

«Барсову. Ничего не понимаю! Морочат голову». Подпись Жолдадзе.

«П. Верлухину. Петя, ради Бога, разберитесь в этой чаче и напишите ответ». Подпись шефа.

Верлухин – это я. Ниже меня в системе нашего института находится только корзина для бумаг. Поэтому я не стал накладывать резолюцию, а обратился к письму. Оно меня заинтересовало.

Тем же самым фиолетовым почерком на шести страницах сообщалось, что автор письма обнаружил электрический ток в кованом железе. В скобках было указано: «подкова». Он ее как-то там нагревал на свечке, отчего и текли токи. И в ту, и в другую сторону. Причем большие. Он ими аккумулятор мотоцикла заряжал, а потом полгода ездил. Было написано, что это подтверждает теорию Брумма. Автор попросил повторить эксперимент и дать отзыв на предмет получения авторского свидетельства.

Внизу был адрес. Село Верхние Петушки Ярославской области. Василию Фомичу Смирному.

Я только одного не понял. Откуда в Верхних Петушках известна теория Брумма? Я сам о ней понятия не имел.

Взял учебник. Нет теории Брумма. Полез в физическую энциклопедию. На букву «Б» после Макса Борна шел этот самый Ганс Фридрих Брумм, умерший, как выяснилось, двести двадцать лет назад. Он чего-то там насочинял в своей келье, поскольку был монахом. Кажется, даже алхимиком. Потом все это, естественно, опровергли и поставили на его теории крест. А Василий Фомич хочет этот крест поколебать. Так я понял.

Ну так это проще простого! Я тут же сел и написал:

«Уважаемый товарищ Смирный! Ввиду того, что трудами Максвелла, Герца и советских ученых теория Брумма опровергнута как антинаучная, Ваше предложение не может быть принято. Видимо, в Ваши опыты вкралась ошибка».

В общем, «этого не может быть, потому что этого не может быть никогда». Лихо я с ним разделался, а заодно еще раз заклеил Брумма. Нечего ему произрастать на нашей почве!

Потом я изобразил реестр подписей с указанием должности и звания. Получилось внушительно. Ректор института, член-корреспондент. Зам по науке, профессор, и так далее. А внизу скромненько: младший научный сотрудник П. Н. Верлухин.

Отнес к машинистке и сел, довольный проделанной работой. Когда пришел шеф, я коротко доложил о Брумме, и шеф улыбнулся. Кстати, о Брумме он тоже слышал впервые, это я понял по его глазам.

Знал бы он, каким боком обернется этот Брумм, не улыбался бы.

Тут пришел Лисоцкий. Лисоцкий у нас считается солидным человеком. Он все время пишет диссертацию. Он ее пишет уже лет десять. Когда я студентом был, уже говорили, что он ее пишет. Когда он ее наконец напишет, это будет что-то потрясающее. Типа «Войны и мира» Льва Толстого. На заседаниях кафедры он всегда ссылается на трудности. Его за это уважают. Всем нравится, что он уже десять лет преодолевает трудности и это ему не надоело.

У Лисоцкого феноменальный нюх. Если где-нибудь в лаборатории отмечают день рождения, он всегда заходит спросить таблицы интегралов. На что ему интегралы, неизвестно. Конечно, его угощают, иначе неудобно. Он выпивает сухое вино, ест пирожные с кофе, а потом берет интегралы и уходит, извиняясь. На этот раз, я уверен, он тоже зашел неспроста. Что-то ему подсказало зайти.

— Что нового в инфракрасной области? — спросил Лисоцкий.

Ему все равно, что инфракрасная, что ультрафиолетовая, я знаю. Это он для затравки.

И шеф ему брякнул про Брумма. Со смехом, конечно. Лисоцкий тоже посмеялся, поговорил про телепатию, а уходя, взял за чем-то Физическую энциклопедию. Сказал, что хочет освежить в памяти второе начало термодинамики. Наверное, соврал. Я ему почему-то не верю.

Лаборантка Неля принесла письмо, отпечатанное на бланке, мы с шефом расписались и отправили его вверх. И оно тихо двинулось в Верхние Петушки в качестве официального документа.

Письмо ушло, и мы о нем забыли. Все пошло своим чередом. С лекции пришел Саша Рыбаков и впился в свой осциллограф. Гена, другой ассистент, устроил зачет по твердому телу, причем я, чтобы интереснее было жить, подкидывал студентам шпаргалки. Гена сидел довольный, что группа так хорошо усвоила. Он все время кивал, у него даже шея устала.

К концу рабочего дня Брумм опять всплыл по какому-то поводу. Выяснилось, что Саша знает его эффект. Ну, Саша вообще все знает, это неудивительно. Он оторвался от осциллографа, протер очки и сказал:

— Ты еще с ним нахлебаешься. У него хитрая теория.

— Вот еще! — сказал я. — Ее давно похоронили.

Саша хмыкнул и посмотрел без очков куда-то вдаль, по-видимому, в семнадцатый век, в город Кёльн, где обитал Ганс Фридрих Брумм. От этого его лицо сделалось немного святым. А впрочем, так всегда бывает у близоруких, когда они снимают очки.

Провожу эксперимент

Через три недели история с Бруммом вступила в новую фазу. Шеф пришел на работу хмурый и долго перекидывал на столе бумажки. Я уже подумал, что его опять в кооператив не приняли. Оказалось, нет.

– Вот такие дела, Петр Николаевич, – сказал шеф.

Это мне еще больше не понравилось. Обычно он ко мне обращается менее официально.

Шеф достал из портфеля папку, а из нее вынул бумаги. Я сразу же заметил сверху письмо со знакомым фиолетовым почерком. И конверт был такой же: «Поздравляем с днем Восьмого марта!» А дело, между прочим, было в сентябре. На этот раз к письму была подколота бумага из газеты. Не считая институтских резолюций. Только они были уже в повышенном тоне.

Шеф молча положил это все передо мной и стал курить. Я чувствовал, что он медленно нагревается. Как паровой котел. Потом он подскочил и ударил кулаком по столу, отчего фиолетовые буквы письма прыгнули куда-то вбок.

– Поразительно! – закричал шеф. – Мракобесие! Алхимией заниматься я не желаю!

– Ничего, Виктор Игнатьевич, – сказал я. – Это тоже полезно. Вы только не волнуйтесь, я все сделаю.

– Вы уж, пожалуйста, Петя, – попросил шеф. – И ответьте как-нибудь помягче. Пообещайте ему что-нибудь.

– Посмертную славу, – предложил я.

– Ни в коем случае! – испугался шеф. – Пообещайте ему какой-нибудь прибор, что ли? Амперметр, к примеру... О Господи! – И шеф нервно забегал по лаборатории. Он всегда принимает все близко к сердцу. Так он долго не протянет.

В письме из газеты указывалось на недопустимость пренебрежительного отношения к письмам трудящихся. Оказывается, нужно было проверить самим эффект Брумма, а не ссылаться на какого-то Максвелла.

– Брумм-брумм-брумм... – запел шеф на мотив марша.

– Он тут Энгельса цитирует, – заметил я, ознакомившись с письмом Василия Фомича в газету.

– Брумм-брумм-брумм, – еще громче запел шеф.

Я отложил свой эксперимент и занялся опытом Василия Фомича. Прежде всего предстояло достать свечку. Гена посоветовал купить в магазине, а Саша Рыбаков – в церкви. Церковь к нашему институту ближе, чем магазин, поэтому я направился туда.

У церковей странное расписание работы. Иногда они закрыты весь день, а иной раз работают даже ночью. Мне повезло. Церковь функционировала. У входа какая-то старушка торговала свечками. Свечки были тонкие, как макароны, и дорогие. Я купил пять штук, и старушка меня перекрестила. Видать, я ей понравился.

С подковой дело обстояло хуже. Я просто не знал, где в городе можно достать качественную подкову. Позвонил в справочное бюро. Меня там обругали, сказали, чтобы я не хулиганил. Тогда я заказал подкову в механической мастерской. Дядя Федя, наш стеклодув, нарисовал мне по памяти эскиз. Он у нас родом из деревни. Я перечертил по всем правилам в трех проекциях, и в аксонометрии тоже. Все честь честью. Выписал наряд и стал ждать.

Три дня я бегал в мастерскую, интересовался заказом. Наконец подкова была готова.

– У тебя конь-то что, одноногий? – спросил слесарь.

– Остальные у него протезы, – сказал я.

– Кобыла или жеребец?

– Скорее, жеребец.

– Жалко животное, – сказал слесарь.

Я принес подкову на кафедру и принялся готовить опыт. Народу набежало очень много. Шеф, чтобы не волноваться, ушел в библиотеку. Я чувствовал, что он не совсем уверен в результате. Лисоцкий ходил и иронизировал насчет подковки. Однако к схеме приглядывался очень внимательно. Это я отнес на счет его природной любознательности.

Я укрепил подкову на штативе, припаял к ней провода, присоединил амперметр и зажег свечу. Все это напоминало венчание. Со свечой в руке я походил на жениха. На месте невесты стоял Лисоцкий.

– Надо спеть аллилуйю, – предложил Рыбаков.

Я поднес свечку к подкове и начал нагревать. Стрелка прибора дрогнула и подвинулась на одно деление.

– Термоэлектрический ток, – констатировал Лисоцкий.

Ну это я и сам знаю. Никаким Бруммом и не пахло. Я извел три свечи, нагревая подкову в разных местах. Она потеряла прежний блеск, закоптилась и выглядела жалко. Получилась какая-то бывшая в употреблении подкова.

– Ни хрена, – сказал Саша Рыбаков и вернулся к своим приборам.

– И должно быть ни хрена, – раздался сзади голос шефа. Он незаметно подошел и наблюдал за опытом.

– Дайте паяльную лампу, – сказал Лисоцкий.

– Не мешай эксперименту! – сказал шеф.

– Дайте лампу! – закричал Лисоцкий.

Ему дали лампу, и он в течение десяти секунд нагрел подкову добела. Провода от нее отпаялись, а результат был тот же.

– Не та подкова, – заявил Лисоцкий. – Суррогат, а не подкова. Нужно настоящую, с коня. С копыта, так сказать!

– Хватит! – сказал шеф. – Петя, пишите вежливое письмо. Приложите схему опыта. Пообещайте амперметр. Не забудьте написать «с уважением». Это преступление!.. Убить неделю на какого-то Брумма! А если этот Фомич заявит завтра, что Земля имеет форму бублика? Мы это тоже будем проверять? Да?!

– Подождите, – загадочно сказал Рыбаков, – это еще семечки.

Лисоцкий выпросил подкову и унес к себе в лабораторию. Сказал, что на счастье. В результате так оно и вышло, но гораздо позже.

Я снова написал письмо в Верхние Петушки. Назвал Фомича «коллегой», употребил кучу терминов и дал теоретическое обоснование с формулами. Написал даже уравнение Шредингера, хотя оно было и ни к чему. Это чтобы он подольше разбирался. Я уже чувствовал, что предстоит затяжная борьба.

Это же чувствовал шеф.

– Петя, изучите этого Брумма как следует, – сказал он. – Чтобы быть во всеоружии.

На следующий день я отправился в отдел рукописей и старинных изданий Публичной библиотеки и засел за оригинал. Брумм писал по-латыни. С этим я еще справлялся с грехом пополам. Но у него обоснования теории были немного мистические. Он, например, всерьез заявлял, что электрический ток есть одна из форм существования дьявола. И святой огонь, мол, заставляет дьявола бегать по проводам и производить искры. Каким образом дьявол может заряжать аккумуляторы, Брумм не писал.

В общем, в таком роде.

Я изучил только один трактат из четырнадцати, а Василий Фомич уже успел сделать ответный ход.

Собираюсь

На этот раз Смирный поднял на ноги общественность. Общественность обычно охотно поднимается на ноги. Можно сказать, она только этого и ждет.

Общественность можно поднимать на ноги различными способами. Василий Фомич пошел по пути коллективного письма. Не знаю, где он набрал в Верхних Петушках столько народу. Может быть, в райцентр ездил? Во всяком случае, человек пятьдесят клятвенно подтверждали, что товарищ Смирный пользовался мотоциклом с коляской шесть месяцев, и довольно интенсивно. Причем аккумулятор заряжал один раз от подковы. Все видели. Где он брал подкову, тоже указали. Он брал ее в кузнице.

– Вот видишь. Не в церкви, а в кузнице, – сказал Рыбаков.

– Да я свечу брал в церкви, а не подкову, – сказал я.

– Все равно, – меланхолично заметил Саша.

По-моему, Рыбаков задался целью методично меня довести до состояния шефа. Это у него не выйдет!

Шеф смотрел на меня скорбно, когда я читал письмо. У него зрела мысль. Начал он издавека.

– Петя, вы еще молоды, – сказал он мягко. – Нервы у вас крепкие. Поезжайте в Петушки. А не то Фомич сам прикатит на своем мотоцикле. Тогда я за себя не ручаюсь. А у меня семья.

И я пошел оформлять командировку. Начальство подписало ее не глядя, а в бухгалтерии заволновались.

– Это где такие Петушки-гребешки? – спросил главный бухгалтер. – И зачем это тебе туда ехать? Небось, по грибы собрался?

Я терпеливо объяснил, что в Верхних Гребешках состоится международный симпозиум. То есть, тьфу! Не в Гребешках, а в Петушках. Повестка дня: доильные аппараты на транзисторах, сбор яиц с помощью электромагнита и применение подковы в качестве генератора. Про подкову я не соврал.

– А самогон там еще не гонят на транзисторах? – пошутил главбух.

– Запланировано в следующей пятилетке, – пошутил я.

– Езжай! – сказал главбух. – Иностранцы будут?

– Три автобуса, – сказал я.

Главбух остался мною доволен. Я тоже. Получив аванс, я отправился узнавать, как мне добраться до Петушков.

Выяснилось, что лучше всего ехать туда на лошади, потому что на лошади все равно, где передвигаться. Самолеты в Петушки не летали, поезда не ходили, пароходы не плавали. Я серьезно забеспокоился насчет иностранцев. Как они туда попадут?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.